

УДК930.1(37)

ББК Т1(0)323

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.09

М. В. Шистеров

Екатеринбург

РОМАНИЗАЦИЯ, РИМСКОСТЬ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Рим, римский империализм, романизация, римскость, Римская империя, локальная идентичность, историография.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме римского империализма в интерпретации современной англо-американской историографии. Разбирается ряд дискуссионных вопросов, связанных с определением романизации, римскости, локальных идентичностей в рамках «римского мира»; рассматриваются новые подходы к пониманию феномена римского империализма.

M.V. Shisterov

Yekaterinburg

ROMANIZATION, ROMAN-NESS AND LOCAL IDENTITIES: NEW OPINIONS ABOUT THE PHENOMEN OF ROMAN IMPERIALISM.

KEY WORDS: Ancient Rome, Roman imperialism, Romanization, Roman-ness, The Roman Empire, local identity, historiography.

ABSTRACT. The article is devoted problem of Roman imperialism in interpretation of actual British and American historiography. The author considers some controversial issues related to the definition of Romanization, Roman-ness, local identities in the "Roman world". The article demonstrated new approaches to understanding the phenomenon of Roman imperialism.

Внимание современных исследователей-романистов все чаще обращено к проблемам культурной идентичности и политического воображения в «римском мире» – на пространстве Римской империи и ее

периферии. За последние двадцать лет только в англо-американской историографии, оставляя за скобками другие национальные историографические традиции, вышла целая серия работ, в том числе монографических, в которых на различном материале и с использованием разнообразных методик – от классических приемов римской археологии до современных постмодернистских и пост-постмодернистских техник – анализируется разнообразие культурных практик и способов бытования человека в «римском мире» (как «взрослых богатых мужчин», так и других категорий населения, включая женщин и детей) (8: сборник материалов научного симпозиума о римском империализме; 11: проблемы римского политического присутствия в Галлии; 1: о римском билингвизме в контексте формирования и поддержания культурной идентичности; 9, 10: политические, экономические и социально-культурные аспекты «римской границы»; 3: Р. 14-48: о проблеме «романизации»; 6: о «римскости» и локальных идентичностях в Римской империи; 5: Р. 203–268: римская власть и проблемы культурной идентичности на примере римской Британии и Африки; и пр.). При этом источниками изучения, как правило, становятся уже не письменные свидетельства, дошедшие до нашего времени в виде античной классической традиции, а археологические и эпиграфические материалы, в том числе памятники скульптуры и архитектуры (5; 6; 7).

Среди подобного рода работ, вышедших в 2000-е годы, имеет смысл отметить коллективную монографию о провинциальном искусстве и римском империализме под редакцией известных исследователей из Университета Лестера (Лейчестера) Джейн Уэбстер и Сары Скотт (7), монографическое исследование о локальных идентичностях в Римской империи специалиста по латинской эпиграфике и римской архитектуре из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл (6), новаторскую работу о римской урбанистической культуре и городских фундаментальных постройках (на примере фонтанов), рассмотренных в контексте социально-политической иерархии и коммуникации в «римском мире», специалиста по античному искусству из Университета Айовы Брендды Лонгфеллоу (4), обобщающую монографию, написанную на основе ранее опубликованных статей, посвященных различным аспектам римского империализма, профессора Университета Лестера и члена Британской Академии Дэвида Маттингли (5). Этот список можно продолжить.

Для всех указанных исследований характерен – в большей или меньшей степени – следующий круг проблем. Во-первых, критика тра-

диционного понимания «романизации» или даже отказ от этого классического для римского антиковедения концепта. Во-вторых, внимание к местным провинциальным элитам, маргинализированным группам населения и/или «молчаливому большинству» (рядовые граждане-мужчины, вольноотпущенники, женщины, дети). В-третьих, акцент на местной локальной специфике, обращение к «провинциальному» материалу Римской империи. В-четвертых, специфическая источниковая база – археологические и эпиграфические свидетельства (археолого-эпиграфические комплексы). В-пятых, новые исследовательские подходы, основанные на достижениях классического источниковедения и современной гуманитаристики (как в части работы с источниками, так и в части концептуализации исторического материала).

К примеру, Л. Ревелл в вышеуказанном исследовании сознательно проблематизирует понятия «римский» и «римлянин», ставит задачу «деконструировать» их, понятийно и концептуально апеллируя к постмодернистским исследовательским техникам (6. Р. xi). Сложность определения понятийных категорий «римский» и «римлянин», которая часто скрадывается в конкретно-исторических исследованиях, заключается в том, что под ними может пониматься и тип материальной культуры, и этническая принадлежность, и географическое местоположение, и хронологический период, и многое другое. Особенно критически Л. Ревелл оценивает в этой связи концепцию «романизации», которая, однако, до сих пор остается «великой теорией», вырваться за рамки которой удастся с большим трудом: «римская археология вращается вокруг темы романизации» (6. Р. x). Как альтернативу традиционным эвристически ограниченным и неаутентичным концептам «романизации» (Romanization) и/или *Romanitas*, Л. Ревелл использует понятие «римскость» (Roman-ness), которое определяется через интерпретацию «римского» как «дискурса *возможного*». Таким образом, «римская идентичность» трактуется как постоянно воссоздаваемая в повседневной практике через социальные механизмы, религиозные действия и символическое пространство «римского» города этика поведения: «Для провинциалов римская идентичность проживалась в практических знаниях о том, как действовать в меняющемся социальном контексте, принимая соответствующие роли» (6. Р. 192). Вместо единого, монолитного и нерасчлененного представления о «римской идентичности» появляется «несметное число потенциальных интерпретаций» того, что значить «быть римлянином» (6. Р. x). Подобный подход основан на теории структуризации, предложенной в конце XX в. английским социологом Э. Гидденсом (2)

и пользующейся заметной популярностью как в зарубежных, так и в отечественных современных гуманитарных и обществоведческих исследованиях.

Обращает на себя внимание, что иной в указанной исследовательской перспективе становится трактовка «римского империализма», который теперь представляется многогранным, существующим в многочисленных формах и различных контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями. Главные элементы «римского империализма» исследователи по-прежнему видят в римской религии, урбанизме и культе императора: эти «структуры воспроизводят римскую власть, римское общество, римскую культуру, притом, что существует общее понимание того, что значит быть римлянином» (6. Р. 191). При новом подходе не отрицается значение превосходящей военной силы Рима, который мог в случае необходимости (как то не раз бывало) сломить сопротивление инсургентов, однако акцент переносится на «союз интересов завоеванных с интересами завоевателей» (Ibidem), который достигался сложным путем. С одной стороны, через сочетание интересов Империи и населения провинций (прежде всего провинциальных элит, но – что важно! – не исключительно их). С другой стороны, через формирование «широкого дискурса римской идентичности», посредством «принятия» и последующего воспроизведения, трансляции в разных формах и с использованием определенных адаптированных механизмов, «римских» (или квази-римских) представлений о «правильной жизни» в политическом, социальном и культурном отношении.

Литература:

1. Adams J. N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 836 p.
2. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press, 1986. 402 p.
3. Hingley R. *Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London: Routledge, 2005. 208 p.
4. Longfellow B. *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 277 p.
5. Mattingly D. J. *Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire*. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2011.
6. Revell L. *Roman imperialism and local identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p.

7. Roman Imperialism and Provincial Art / Eds. S. Scott, J. Webster. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 256 p.

8. Roman Imperialism: Post-colonial perspectives / Eds. J. Webster, N. Cooper. Leicester: School of Archaeological Studies – University of Leicester, 1996. 144 p.

9. Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore – London: The J. Hopkins University Press, 1997 [1994]. 341 p.

10. Whittaker C. R. Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. London: Routledge, 2004. 246 p.

11. Woolf G. Becoming Roman: The Origins of provincial administration in Gaul. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 296 p.

УДК 371.39

ББК 4426.63-268.2

ГСНТИ 14.25.09

Код ВАК 13.00.02

Е. В. Яковлева

Нижевартовск

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИ- РА. 5 КЛАСС»)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: электронный образовательный ресурс, Цифровой образовательный ресурс, визуализация образа, образовательная модульная система, электронный учебный модуль.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены некоторые теоретические принципы использования электронных образовательных ресурсов в процессе преподавания истории. Автором представлена характеристика двух основных коллекций электронных образовательных ресурсов в сети Интернет.